

Настоящая статья посвящена одной загадочной надписи, которую в 1907 г. опубликовал В. В. Латышев по описанию и эстампажу Шкорпила в «Известиях Археологической Комиссии»¹. Несколько позднее она вошла в состав «Корпуса боспорских надписей»². К сожалению, надпись утрачена, так что судить о ней можно только по краткому, но достаточно ясному описанию В. В. Латышева, а также по рисунку (снимку) с эстампажа, приложенному им к описанию.

Надпись была сделана на плите из мягкого известняка высотой 0,84 м, шириной 0,41 м и толщиной 0,13 м, увенчанной на обресе карнизом. Над надписью с левой стороны небрежно вырезаны знаки, как считает В. В. Латышев, в виде листа и гранатового яблока, соединенные двумя чертами, изображение ключа и пр. Издатели Боспорского Корпуса подходят к истолкованию этих знаков более осторожно и вполне основательно трактуют их как знаки неясного содержания. Кроме того, в КБН отмечено наличие еще одного знака (у В. В. Латышева он изображен на рисунке, но не истолковывается), который понимается как буква А. Под этими знаками вырезана довольно небрежно надпись в две строки, по словам В. В. Латышева, сильно стертая. Это замечание вызывает некоторое сомнение, так как на рисунке, или, как его называет В. В. Латышев, снимке, сделанном с эстампажа, все буквы изображены с очевидной четкостью. Высота букв 0,02—0,03 м. В. В. Латышев относит надпись к римскому времени, издатели КБН — ко II—началу III в. н. э.

Все уцелевшие буквы читаются достаточно легко, несмотря на то, что три буквы — *καρ* — частично попорчены. Так что надпись в том виде, в каком она дошла, можно изобразить следующим образом:

γλυκαριωναλιωνομεων | ετυχ —

На рисунке ясно видно, что во второй строке вслед за *ετυχ* могло стоять не более двух букв. Они оказались совершенно стертыми.

Первое чтение Латышева следующее:

Γλυκα[ρ]ίων
ετυχ[εν].

При этом он замечает, что содержание надписи неясно. В дальнейшем он сделал попытку более полно прочесть надпись, но опубликовать ее не успел или не захотел. Это новое чтение было найдено в архиве Латышева,

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 года), ИАК, 23, 1907, стр. 45, № 30.

² КБН, М.—Л., 1965, 838.

оно и вошло в КБН:

Γλυκα[ρ]ῖων ἀλι(εὐω)υ? ΟΜΕΩΝ
εἰυχ[εν].

«Гликарion, рыбака (?), получил омеи» (?). Латышев еще раз заметил, что содержание надписи остается неясным, и, по-видимому, на этом остановился. В КБН (стр. 467) приводится также изустное объяснение этой надписи И. И. Толстым: «ΟΜΕΩΝ — по-видимому, род. падеж множ. числа к именительному падежу ед. числа ὀμεῖς, — очевидно, название какой-то морской рыбы. Сказуемое εἰυχ[εν] указывает на удачный лов последней. Смысл надписи следующий: рыбакишнему Гликарionу посчастливилось в ловле „омеев“».

Отметим слабые стороны такого чтения. Во-первых, сразу становится ясно, что смысл надписи для ее интерпретаторов так и не прояснился. Можно ли эту надпись отнести к какому-нибудь типу надписей, считать ее, скажем, votивной? Очевидно, нельзя. Она очень необычна и не имеет никаких аналогий. Более того, нам кажется, что она в данном переводе совершенно бессмысленна. В таком виде, в каком она приведена в КБН, она является безэмоциональной констатацией факта и была бы уместна, скажем, как упражнение в учебнике древнегреческого языка. Будучи начертанной на камне, она утрачивает почти всякий смысл. Допустим, что Гликарionу посчастливилось наловить много рыбы. Естественно предположить, что свою радость по поводу случившегося он выразил бы в благодарственном приношении какому-либо божеству с приличной случаю надписью. Наконец, если Гликарion был до такой степени чудак, что поспешил запечатлеть собственный подвиг на каменной стеле, то в этом случае в надписи недостает хвастливости, свойственной всем рыбакам, которая должна была быть выражена по крайней мере в указании размера улова и т. п. Вряд ли можно предположить, что эти «омеи» (такого вида рыб мы не знаем вообще) были какой-то уникальной и ценнейшей рыбой. Ведь нам известно множество видов рыб, в том числе и ценнейших, но «омеев» никто не упоминает. Наконец, можно предположить чью-либо шутку (может быть злую) в адрес неудачливого рыбака, но от этого смысл слова ΟΜΕΩΝ не станет яснее.

Во-вторых, если принять чтение В. В. Латышева (подчеркиваем, предположительное чтение, которое, видимо, далеко не удовлетворяло самого ученого), то придется допустить, что резчик вместо ΕΥΩ³ вырезал ΩΟ; бывает довольно часто, что резчик пропускает букву или две, вместо одной буквы вырезает другую, иногда вставляет другую букву, но предположить такую грубую ошибку, какую мы видим здесь, весьма затруднительно: слишком определено ярко буквы Ε, Υ (и Ω), чтобы заменить их на ΩΟ; если резчик даже пропустил ΕΥ, то непонятно, почему он потом вставил совершенно неуместное Ο. Да и слишком большое число букв приходится в данном случае взаимозаменять. Наконец, еще раз заметим, что ничего похожего на ΟΜΕΩΝ в древнегреческом языке не наблюдается.

Таким образом, становится очевидно, что в таком виде эта надпись не поддается ни прочтению, ни истолкованию. Попытаемся подойти к истолкованию этого текста и этого памятника в целом с другой стороны, материальной.

Скупое, но точное описание этой плиты (плита известняковая, увенчанная карнизом), ее размеры, высота букв — все за то, чтобы предположить, что перед нами стела.

Обратим внимание также еще на одно обстоятельство, могущее стать решающим — место находки этой плиты: «Найдена она в Керчи при пла-

нировке продолжения Институтской улицы, против дома № 1, недалеко от места, где были обнаружены № 419, 579, 679, 707»³.

Первый издатель надписи, Латышев, пишет более определенно: «против дома № 1, где были найдены раньше (вышеупомянутые надписи)»⁴. Что представляют собой эти четыре другие надписи? Это типичные надгробные стелы римского времени, в основном датируемые II веком н. э. Место находки одной из них, КБН, 419⁵, Латышев описывает так: «Найдено... над гробницей, найденной рядом с той, которая была покрыта надгробием № 39»⁶. Становится ясно, что на этом участке некогда был поздний античный некрополь, так что методически правомерно было бы предположить, что и данная плита является надгробной стелой. В этом убеждает нас также и ее описание, и ее размеры, и высота букв, мало чем отличающаяся от того, что мы наблюдаем и у других четырех стел. Следует только заметить, что эти другие стелы выполнены более богато: они украшены рельефами и надписи на них вырезаны более тщательно. Наша стела, очевидно, рельефных изображений не имела, так как, судя по описанию, карниз именно увенчивал ее; да и надпись выполнена не слишком аккуратно. Более того, можно почти с уверенностью сказать, что исполнитель надписи был человеком малограмотным, иначе он не изобразил бы букву N в первой строке, как русское И. Размеры букв постепенно уменьшаются от начала к концу надписи. Короче говоря, все указывает на бедность заказчика этой стелы.

Теперь попытаемся прочесть эту надпись иначе, основываясь на изложенных выше чисто внешних признаках, хотя методически, может быть, это и не очень хорошо, и нас могут справедливо упрекнуть в предвзятости. Тем не менее предлагаем такое чтение:

Γλυκαρίων ἀλίω(ς) ὄνομ' ἐών | ἐτυχ[ε]ς].

«Напрасно по имени ты оказался (был) Гликарион», т. е. «напрасно тебе дали имя Гликарион».

Единственный внешний недостаток такого чтения — это необходимость вставить в текст лишнюю сигму, предположив, что резчик пропустил ее по небрежности; подобные пропуски отдельных букв в такого рода надписях встречаются весьма часто.

Итак, перед нами нечто очень похожее на эпитафию. Наличие двух чисто поэтических форм (ἀλίω(ς) и ἐών) и необычный порядок слов говорят о том, что эпитафия эта может быть только стихотворной. Действительно, с грехом пополам она укладывается в пентаметр. Надо сказать, что эпитафии, состоящие из одного пентаметра, — явление довольно обычное и для раннего и для позднего времени. По крайней мере в сборнике В. Пеека мы насчитали таковых шесть⁷. Если учесть, что однострочных метрических эпитафий вообще не так уж много, то цифра получается достаточно внушительная.

В двух местах размер все же не выдержан. Плохо укладывается в пентаметр имя умершего: начальный слог должен быть долгим, а в имени Γλυκαρίων первый слог краток. Впрочем, эта неувязка легко объяснима: дело в том, что многие имена собственные плохо укладывались в те или иные стихотворные размеры, но ведь имя умершего надо было вставить в строку, поэтому часто автор эпитафии вынужден был поступиться правильностью метра, оказавшись в безвыходном положении. Имеется не-

³ КБН, стр. 467.

⁴ ИАК, 23, 1907, стр. 45.

⁵ ИАК, 10, 1904, стр. 73, № 80.

⁶ КБН, 679.

⁷ W. P e e k, Griechische Versinschriften, В., 1955, № 63, 354, 456, 604, 928, 1134.

мало случаев, когда имя собственное введено в стихотворную строку с явным нарушением метра ⁸.

Существительное *ἔνομα* также выходит из размера, так как начальный слог в этой стопе должен быть долгим. Но ведь нам прекрасно известно, что с самой ранней поры в метрических надписях была общеупотребительна ионийская поэтическая форма этого слова *ἔνομα* с долгим начальным слогом; несколько позднее появляется и *ἔνομα*, сосуществуя с *ἔνομα*. Ту или другую форму употребляли в зависимости от метрического удобства. Иногда мы встречаем ту и другую в пределах одного стихотворения ⁹. Был и еще один способ удлинения начального слога — кразис *τοῦνομα*. Так что в данном случае сочинителю было очень легко, казалось бы, выйти из положения, используя тот или другой вариант; и тем не менее резчик вырезал именно *ἔνομα*. Можно высказать следующее предположение: в начальном варианте предполагалось вырезать *ἔνομα*, но резчик по безграмотности или просто механически, не думая о том, что перед ним стихи, а не проза, вырезал это слово в привычной для него форме. Впрочем, возможны и какие-либо другие причины. Таким образом, обе метрические ошибки можно как-то объяснить.

Остается сказать несколько слов о смысле эпитафии. Будучи не вполне грамотной и весьма небрежно вырезанной, она удивляет некоторой изысканностью построения. Вся соль этого маленького стихотворения в очень удачном обыгрывании смысла имени Гликарion. Являясь однокоренным с прилагательными *γλυκός*, *γλυκερός*, оно и означало нечто вроде «сладостный, приятный», может быть «счастливый». Следовательно, смысл надписи в том, что умершему напрасно, зря дали такое сладостное, счастливое имя, в то время как настоящий удел его горек, горестен. Это толкование великолепно подтверждается тем, что как раз в стихотворных эпитафиях (да и не только в них) словам *γλυκός*, *γλυκερός* последовательно противопоставляется слово *πικρός* «горький, горестный». Эпитеты *γλυκός* и *γλυκερός* постоянно стоят рядом с существительными, означающими «жизнь» — *βίος*, *βίος*, *φῶς*, *κνῆμα* ¹⁰, а *πικρός* — не менее постоянный эпитет слов, означающих «смерть» — *τόμβος*, *Ἰδής* и т. п. ¹¹. Таким образом, игра строится на противопоставлении счастливого, сладостного имени умершего горькому его уделу.

Что можно сказать в заключение о тех изображениях, которые вырезаны над надписью? Одно из них, по убедительному толкованию Ю. Г. Виноградова, любезно сообщенному нам, представляет собой рисунок не «листа и гранатового яблока», а рукояти меча. Он сближает его с изображениями мечей на надгробиях мужчин-воинов из Херсонеса ¹². Второй знак, сохранившийся хуже, нам непонятен. Третий знак очень похож на *альфу*, но только ее перекрывает сверху горизонтальная черточка ($\overline{\alpha}$), да и изображена она наклонно по отношению к надписи. Если это действительно *альфа* и имеет непосредственное отношение к надгробию, то, может быть, ее можно трактовать как горестное восклицание *ἄ*, засвидетельствованное наряду с *οἶμοι*, *αἰαῖ* и пр. в нескольких стихотворных надписях в начале метрической строки ¹³, но в нашей надписи эта *альфа* начертана отдельно. Поэтому все, что сказано по поводу А, остается всего лишь самым робким предположением.

Н. В. Шебалин

⁸ Реек, ук. соч., № 67, 80, 82, 106, 142, 151, 157, 231, 271 и т. д.

⁹ Там же, № 654.

¹⁰ Там же, № 231, 254, 297, 307, 384, 457, 483 и т. д.

¹¹ Там же, № 308, 434, 443, 478, 567, 635 и т. д.

¹² См. Э. И. Соломонович, Новые эпитафические памятники Херсонеса, Киев, 1973, стр. 258.

¹³ Реек, ук. соч., № 1676 (?), 1677, 1684.

ON THE INTERPRETATION OF THE BOSPORAN
INSCRIPTION *KBN* 838

N. V. Shebalin

The author proposes a new reading of the inscription (dated in the 3rd century A. D.), which in the *Korpus Bosporskikh nadpisei* (1965) is given in V. V. Latyshev's reading. Latyshev considered the text of the inscription not fully intelligible and interpreted it tentatively as a statement that a certain «Glykarion while fishing (?) got omei (?)». The author of the present article, not satisfied with this interpretation, offers a new one. He suggests that the stele should be regarded as a gravestone and that the inscription be understood as a metrical epitaph consisting of a single pentameter line in which the «sweetness» implied by Glykarion's name is contrasted with the bitterness of his fate: «Glykarion they named thee all in vain».
